

Любимая! Умолкнет шум
Военных труб и флейт пастушьих;
Но эхо наших смертных дум
Пробудит отклик в новых душах¹.

Альфред Теннисон

Для зимы печальные подходят сказки².

Уильям Шекспир

¹ Альфред Теннисон (1809—1892) — английский поэт, наиболее яркий выразитель сентиментально-консервативного мировоззрения Викторианской эпохи, 1-й барон Теннисон, или лорд Теннисон. Для эпиграфа использован отрывок из поэмы «Принцесса» в переводе Г.М. Кружкова (*здесь и далее прим. перев.*).

² Строка из пьесы Уильяма Шекспира «Зимняя сказка». *Перевод П. П. Гнедича.*

Глава 1

Она чувствовала себя бестелесным, свободным призраком.

Умерла? Парит в воздухе?

Все вокруг казалось расплывчатым, поблекшим и несущественным. Или это она стала расплывчатой, поблекшей и несущественной, а мир вокруг нее движется, полный невидимых для нее красок и неслышимых звуков?

Если так, то смерть похожа на жизнь. И правда, какая разница? Разве что... Может, смерть — это свобода?

Вот только от чего?

На краю сознания что-то царапнуло крошечными ноготками — нужно бежать, спрятаться.

Но зачем? Какой смысл? От чего прятаться, от смерти? Мертвые ведь могут спать? Просто спать, спать, спать...

И все же ощущение было такое, будто она уже пробудилась, но все еще находится в тумане после сна.

Мысли разбрелись. Озадаченная, она никак не могла понять, куда попала — в рай или ад. Поблекшие цвета и расплывчатые формы казались странно знакомыми. Цвета вдруг стали резкими до боли в глазах, а очертания — острыми и грозили поранить.

Затем все снова поблекло и расплылось, и она ощутила покой. Странное, тихое успокоение.

А потом вдруг уловила запах. Да, точно, густой похоронный аромат лилий. И крови. Лилии и кровь, это ведь смерть, да?

Нужно просто лечь. Лечь и уснуть. Наверняка кто-нибудь придет и скажет, куда идти и что делать. Ангел. Или дьявол. В мозгу промелькнул смешанный образ обоих, и она вздрогнула. Нельзя ложиться! Могут ли мертвые испытывать страх?

Женщина подошла к двери и замерла, не сводя с нее глаз. Войти или выйти? Выйти или войти?

Так ли это важно?

Кто-то потянулся к ручке двери. Она сама?.. Во всем этом было что-то неправильное. Кровь и лилии. Дверная ручка повела себя странно — ускользала, двигалась вверх-вниз, во все стороны. Это такая игра, мелькнуло в мозгу, и она слегка улыбнулась. Что ж, поиграем.

Она протянула руку, отдернула, попробовала еще раз, поводила ладонью туда-сюда. Затем сомкнула пальцы вокруг коварной дверной ручки. И рассмеялась тихим, дребезжащим смехом.

Войти или выйти? Выйти или войти?

Дверь открылась, и женщина шагнула в проем.

Мир мертвых оказался одновременно и ярким, и темным. Покорившись, она вошла.

* * *

Больше всего на свете Еве сейчас хотелось избавиться от платья и сбросить туфли на убийственно высоких каблуках. В конце концов, она исполнила свой

долг и заработала жирный красный плюстик в графе «Правила счастливого брака», когда нарядилась и на-красилась, чтобы весь вечер играть роль жены успешного бизнесмена.

И кто только придумал устроить благотворительный бал зимой? Разумные люди предпочитают сидеть дома в теплой удобной одежде, когда лютый февраль поднимает безобразную голову. А такой морозной ночью даже не столь разумные давно спят, уютно свернувшись калачиком. И все же это не повод уваливать от обязанностей хорошей супруги.

По счастью, Еве с мужем удалось провести три восхитительных дня на личном острове Рорка, наслаждаясь жаркими пляжами и еще более жарким сексом. И если после всего этого нужно было пойти на маскарад, она не против, тем более что бал уже заканчивается.

В понедельник она вернется на службу, будет носить удобную одежду и ботинки. А еще полицейский жетон и пистолет.

Впрочем, жетон с пистолетом и сейчас при ней, лежат в дурацкой блестящей сумочке. Лейтенант Ева Даллас никогда не расстается с оружием и жетоном.

Наконец она скользнула в уютную и теплую машину, бросила взгляд на фешенебельный истсайдский отель. Какое счастье, что и он, и его вычурный, битком набитый бальный зал остались в зеркале заднего вида!

Рорк повернулся, взял ее за подбородок и, проведя большим пальцем по ямочке, поцеловал.

— Спасибо.

«Вот так, — подумала Ева, глядя в шальные голубые глаза человека, созданного богами в особо удачный

день. А она почти весь вечер тайно досадовала и злилась».

— Мне понравилось.

Рорк расхохотался и еще раз поцеловал Еву, едва не выехав на обочину.

— Да ты ненавидела девять минут из каждых десяти!

В смеющемся голосе Рорка звучал легкий ирландский акцент, идеальное дополнение к красивому лицу, обрамленному непокорными черными волосами.

У Евы мелькнула мысль, что боги поначалу соединили лучшие черты воина, поэта, ангела (падшего, чтобы добавить чуточку пикантности), а потом обрекли свое творение на любовь к необщительной оторве-копу, чье дело расследовать убийства.

— Ну, может, только семь с половиной из десяти. Было приятно повидаться с Чарльзом, Луизой и обоими Мира. Я нормально себя вела?

— Безупречно.

— Если бы! — Ева негодуяще фыркнула. — Ты, наверное, не слышал наш разговор с той особой, у которой прическа вроде башни из взбитых сливок. — Она покрутила пальцем над собственными короткостриженными каштановыми волосами. — Я сказала, что не хочу возглавить ее комитет по интеграции исправившихся преступников в общество, так как слишком занята тем, что отправляю этих преступников в тюрьму.

— Слышал. Она принялась объяснять тебе, что полиция слишком много внимания уделяет наказанию, а следовало бы заняться интеграцией. Страшно рад, что ты ее не стукнула.

— Еле сдержалась. Можешь поспорить на свою великолепную задницу, что если один из ее ИП — так

она их называет, — вломится к ней в дом, шарахнет по ее завитой башке чем-нибудь тяжелым и скроется со всеми многочисленными побрякушками, она не будет читать мне лекции о том, что закону не достаёт любви и сострадания.

— Ну, ей не приходилось стоять над трупом или сообщать людям, что их близкий погиб. Поэтому она понятия не имеет, сколько душевных сил и сострадания требует подобная работа.

— Точно. К счастью, я ее не прибила, да и остальных пальцем не тронула. — Довольная собой, Ева устроилась поудобнее. — Теперь можно и домой, скинуть эти дурацкие тряпки.

— Я любовался тобой в этих тряпках почти с таким же удовольствием, с каким я их с тебя сниму.

— И мы поспим завтра подольше, да? Не будем никуда спешить, как парочка ленивых улиток, а потом...

Ева внезапно умолкла — наметанный полицейский взгляд заметил что-то неладное.

— Господи Иисусе! Тормози!

Рорк и сам увидел женщину, которая шагнула в свет фар перед его машиной. Обнаженная, вся в крови, незнакомка брела, глядя широко распахнутыми, пустыми глазами.

Ева выскочила из машины, на ходу стаскивая пальто, но Рорк скинул свое первым и закутал женщину.

— Она почти насмерть замерзла, — сказал он Еве, затем повернулся к незнакомке. — Все будет хорошо.

Женщина холодной как лед рукой коснулась его лица.

— Ты ангел?.. — Огромные глаза закатились, и она потеряла сознание.

— Давай ее в машину, быстрее. Одеяло есть?

— В багажнике, — ответил Рорк.

Он отнес женщину в машину и, пока Ева доставала одеяло, уложил в уютном тепле.

— Я буду с ней на заднем сиденье, — сказала Ева. — Брось мне мою сумочку. Поезжай в больницу святого Андрея, она ближе всего.

— Знаю.

Рорк кинул Еве сумочку, сел за руль и вдавил педаль газа в пол.

Ева достала коммуникатор, позвонила в больницу.

— Лейтенант Ева Даллас. — Продиктовав номер полицейского жетона, она продолжила: — Везу к вам неизвестную женщину, возраст — двадцать — двадцать пять лет, характер повреждений неясен, но, похоже, у нее сильное переохлаждение. Будем через пять минут. — Бросив взгляд на спидометр, Ева попросила Рорка: — Уложись в три.

Она сфотографировала коммуникатором лицо незнакомки и странгуляционную борозду, которую заметила только сейчас.

— Кто-то вырубил эту несчастную, придушил и, скорее всего, изнасиловал. На теле порезы, много ссадин, хотя сомневаюсь, что вся кровь принадлежит ей.

— Вряд ли она долго бродила в таком виде. Час не слишком поздний, к тому же на нее обратили бы внимание.

— Волосы в крови, — пробормотала Ева, ощупывая голову жертвы. — Ударили по затылку.

Жалея, что при себе нет чемоданчика криминалиста, она внимательно изучила руки и ногти женщины, и оторвалась от осмотра, только когда Рорк свернул к приемному отделению.

Их ждали: двое врачей или санитаров — сразу и не разберешь, — стояли с каталкой у входа. Рорк еще не успел остановиться, а Ева уже распахнула дверь машины.

— Она на заднем сиденье. Ее душили веревкой или шарфом, на голове рана, похоже, нанесена тупым орудием. И необходимо проверить, была ли она изнасилована.

Ева посторонилась, давая медикам возможность переложить женщину. Те торопливо завезли каталку в отделение, один из них (судя по виду, ему только недавно стали легально продавать алкоголь), на бегу отдавал приказы. Он оглянулся на Еву и Рорка.

— Задержитесь. Мне нужна информация.

Каталка с грохотом въехала в смотровой кабинет, где ждали еще несколько медиков.

— На счет три!

По команде они переместили бесчувственную женщину на стол.

— Температура тела девяносто один и четыре!¹ — Чей-то крик перекрыл остальные голоса.

— Я отгоню машину, — прошептал Еве Рорк. — Сейчас вернусь.

«Капельницы, одеяла с подогревом, пальпация, осмотр... *Господи, как же я ненавижу больницы*», — подумала Ева.

— Расскажите, что вам известно, — попросил предположительно доктор, не отрываясь от работы.

С копной вьющихся каштановых волос и красивым лицом, которое слегка портили суточная щетина

¹ Температура указана по шкале Фаренгейта. По Цельсию — 33,0.

и темные тени под яркими голубыми глазами, он выглядел не старше своей нынешней пациентки.

— Выскочила на проезжую часть в Карнеги-Хилл. Брела, как будто сильно перебрала, явно в шоковом состоянии. Спросила у моего мужа, не ангел ли он, и потеряла сознание.

— Температура тела девяносто три и два, повышается.

— Нужно, чтобы вы надели на ее руки пакеты после того, как я сниму отпечатки пальцев, — сказала Ева. — Не вся кровь принадлежит ей.

— Дайте мне сперва спасти ей жизнь.

Ева подвинулась, не сводя глаз с лица женщины.

Юная, очень привлекательная, несмотря на синяки и ссадины. Метиска, явно азиатских и африканских кровей. Миниатюрная, ростом чуть выше пяти футов, и не больше ста десяти фунтов весом. Ногти на руках и ногах покрыты бледно-розовым лаком. Уши проколоты, но сережек нет. Татуировок не видно. Длинные, почти до талии, волосы, спутаны и свалялись.

Ева вышла, запустила сделанное в машине фото в программу по узнаванию лиц. Хотя побои изменили лицо жертвы почти до неузнаваемости, попытаться стоило. Заметив, что к ней приближается Рорк с криминалистическим чемоданчиком в руках, Ева подняла голову.

— Решил, что тебе это понадобится.

— Да, спасибо. Если она не придет в себя к тому времени, как врачи закончат, я возьму отпечатки пальцев для идентификации личности. Скорее всего, она из местных. Руки и тело ухоженные, похоже, деньги у нее есть. Вряд ли она прошла большое расстояние,

значит, живет или работает в районе Карнеги-Хилл, либо была там, когда на нее напали.

Ева оглянулась на двери смотрового кабинета.

— Крови столько, словно она яростно сопротивлялась, но я не заметила характерных повреждений. И под ногтями нет следов крови или кожи, по крайней мере, видимых.

— Полагаешь, она была не одна и пострадал кто-то еще?

— Такая возможность не исключена. Если этой женщине удалось убежать, то...

Она замолчала, когда дверь открылась, и из кабинета вышел доктор.

— Основные жизненные показатели стабилизируются, температура поднялась до нормы. Рана на голове — самая серьезная из травм, а их предостаточно: гематомы и ссадины на лице, многочисленные повреждения в области живота, некоторые похожи на неглубокие порезы ножом. Сотрясение мозга. Ее несколько раз жестоко изнасиловали. Комплект для забора биологических доказательств сейчас принесут. Мы проводим токсикологический анализ, но смазанная речь, скорее всего, следствие переохлаждения и шока.

— Мне нужно срочно снять отпечатки пальцев. Не вся кровь принадлежит ей, — напомнила Ева и продолжила, не дожидаясь возражений: — Вполне вероятно, что кто-то сейчас в таком же состоянии, как она. Если я установлю ее личность, то мы, возможно, спасем еще одну жизнь.

— Извините, не подумал. — Доктор потер глаза. — Двойная смена.

— Понимаю.

— Еще раз простите. Возможно, она бы погибла, если бы вы вовремя не привезли ее в больницу. Без серьезного поражения головного мозга точно не обошлось бы. Доктор Нобл. Дел Нобл.

Ева пожала протянутую руку.

— Даллас. Лейтенант Даллас. А это Рорк.

— Да, я узнал его пару минут назад.

Мужчины обменялись рукопожатием.

— Красивое платье, — заметил Нобл.

— Мы были на приеме.

— Надеюсь, в химчистке уберут следы крови. Давайте займемся идентификацией личности пострадавшей. Наверняка кто-то о ней беспокоится.

Они вместе вошли в кабинет.

— Мне нужны фотографии травм, — сказала Ева.

Она подошла к столу, достала из чемоданчика планшет и аккуратно приложила к нему пальцы женщины.

— Так, Дафна Страцца, двадцать четыре года. Живет примерно в двух кварталах от того места, где мы ее нашли. Замужем за...

Она взглянула на лицо Дела.

— Вы ее знали.

— Лично — нет, но я знаком с ее мужем. В этой больнице все знают Энтони Страццу. Господи! Жена Страццы!..

— Давайте сохраним это в секрете, пока я не... Она приходит в себя!

Длинные темные ресницы дрогнули. Миндалевидные, изумительного нежно-зеленого цвета глаза открылись, глядя перед собой невидящим взором.

Дел отстранил рукой Еву, склонился над Дафной.

– Все в порядке, вы в больнице. Никто не причинит вам вреда.

Взгляд женщины заметался по комнате. Дыхание участилось, стало прерывистым, и доктор взял ее за руку.

– Все в порядке, – повторил он. – Я врач. Вы в безопасности. Сейчас я дам вам обезболивающее.

– Нет, нет, нет!

– Хорошо-хорошо, подождем.

Дел говорил уверенно и спокойно. Хотя на мониторах отражались физиологические показатели, Ева заметила, что он держит пальцы на запястье Дафны, измеряя пульс по старинке.

– Расслабьтесь, дышите медленно, – продолжил доктор. – Можете рассказать, что с вами случилось?

– Я умерла. Я думала, что умерла. – Ее взгляд упал на Еву. – Вы тоже там были?

Ева наклонилась к ней.

– Что вы помните?

– Я... я ушла. Или мир исчез.

– А раньше? Вспомните, что произошло раньше.

– Мы устраивали званый ужин на пятьдесят человек. Банкет начался в восемь, коктейли подавали с половины восьмого. Я была в отделанном жемчугом платье от Диора. Мы ели медальоны из лобстера, салат с обжаренными гребешками, тыквенный суп-пюре, ростбиф, запеченный картофель с розмарином, белую и зеленую спаржу. Потом крокембуш¹ и кофе. Вино...

¹ К р о к е м б у ш – французский десерт, представляющий собой высокий конус из профитролей с начинкой, скрепленных карамелью или специальным сладким соусом, украшенный карамельными нитями, засахаренным миндалем, фруктами, засахаренными цветами.

— Хорошо, а что произошло после ужина?

— Гости ушли в половине двенадцатого. Если бы я спланировала прием более тщательно, они бы ушли в одиннадцать. У мужа утром обход, он много работает. Мой муж — уважаемый хирург, очень талантливый. После того как гости ушли и дроиды все убрали, мы, как обычно, отправились спать. Зашли в спальню, и...

Дыхание Дафны вновь стало прерывистым. На этот раз Ева опередила доктора и сжала ладонь женщины.

— Вы в безопасности, но я должна знать, что произошло, когда вы пошли спать.

— В доме кто-то был, — тихо прошептала Дафна, словно делилась секретом. — Не гость. Нет! Он ждал. Дьявол, это дьявол! У него лицо дьявола! Мой муж... Он упал, и дьявол рассмеялся. Я не знаю, не знаю! Пожалуйста, я ничего не знаю!

Всхлипывая, она попыталась сжаться в комок.

— Хватит, — резко произнес Дел. — Дайте ей прийти в себя.

— Мне нужно проверить у нее под ногтями. Вдруг там остались частицы кожи или кровь того, кто это сделал.

— Тогда поторопитесь.

Осмотр в очках-микроскопах ничего не дал, и Ева, достав инструменты, осторожно сделала соскоб. Ничего.

— Она либо вообще не сопротивлялась, либо преступник не дал ей шанса.

Ева осмотрела следы от веревок на запястьях женщины.

— Немедленно сообщите мне, если она скажет что-нибудь еще. Я вернусь через несколько часов. Ее палата будет под охраной.

Ева и Рорк вышли из больницы.

— Ты приставишь полицейского, чтобы к ней никто не вошел, или чтобы она никуда не ушла?

— Пока не знаю. — Ева на ходу вытащила коммуникатор. — Давай-ка посмотрим, что у нас есть на Энтони Страццу.

«Не совсем то, что они с Рорком планировали», — подумала Ева, всю недолгую дорогу просматривая данные о супругах Страцца.

«А хирург-то на двадцать лет старше жены, — отметила Ева. — Это вторая. С первой он развелся пять лет назад, и теперь та живет в Австралии. Не замужем».

С нынешней они вместе три года. Поженились, когда она была студенткой и подрабатывала организатором мероприятий. Ничего не сказано о том, работает ли она сейчас.

В общем, решила Ева, типичная трофейная жена. Юная, была очень красивая, пока ее не избили. Возможно, отличная хозяйка с маниакальной склонностью все планировать.

Еве вдруг пришло в голову, что, хотя она первая и единственная жена Рорка, возможно, ее тоже считают трофейной женой.

Она посмотрела на мужа, который как раз выруливал на парковку рядом с большим краснокирпичным домом, где жили супруги Страцца.

— А тебе роскошный приз не достался.

— Я люблю призы, — сказал Рорк. — Почему это не достался?

– Сам виноват. Трофей из меня никудышный.

– Вовсе нет. Кроме того, ты не трофей.

Ева вышла из машины, проковыляла в дурацких модельных туфлях к тротуару.

– Это комплимент?

– Это правда. Мне не нужен трофей. – Рорк взял Еву за руку, провел большим пальцем по обручальному кольцу. – Я предпочитаю жену-копа. Ты думаешь о Дафне Страцца и о том, что она намного младше своего мужа?

– Откуда ты знаешь? У тебя не было времени искать информацию.

– Все просто. Страцца – известный хирург, его имя на слуху. Понятно, что он должен быть лет на двадцать старше жены.

– На двадцать шесть. Это вторая жена. Первая – его ровесница. Развелись после двенадцати лет жизни. Она сейчас в Австралии, живет на овечьем ранчо. Довольно далеко от Нью-Йорка с его зваными ужинами в фешенебельных домах Верхнего Ист-Сайда.

Она внимательно оглядела здание. Три этажа старинной элегантности в нью-йоркском стиле. Дом был рассчитан на две семьи, но Страцца превратили его в особняк, сделали один вход парадным и выделили его резными двойными дверями. Высокие узкие окна в рамах из темного дерева зашторили на ночь, и теперь они казались незрячими глазами. Стеклопакетные двери второго этажа выходили на французский балкон с решеткой, украшенной стилизованной буквой «С».

Похожие металлические конструкции высились по бокам трех ступеней, которые вели от тротуара к входу.

Ева обратила внимание на высококласную систему охраны.

— Видеокамера, идентификатор по отпечатку ладони, интерком, дополнительное усиление дверей... Страцца потратился на шикарный вид дома, но не забыл и про надежные замки. У него тут сигнализация с датчиками движения и звука.

— В былые времена я обязательно обратил бы внимание на этот дом. И окружение достойное.

В прошлом Рорк был искусным вором, и воспоминания вызвали у него ностальгическую улыбку.

— Место тихое и спокойное, а в доме наверняка есть чем поживиться: драгоценности, произведения искусства, наличные.

— Сколько времени тебе бы понадобилось, чтобы взломать систему безопасности?

Рорк наклонился, чтобы поближе разглядеть замки. Его волосы развевал ветер.

— Минуты две или три, если хорошо подготовиться. Скорее, две.

И ведь не хвастается, подумала Ева. Просто констатирует факт.

Она позвонила в дверь, ожидая автоматического ответа, однако компьютер молчал.

Ева позвонила еще раз.

— Похоже, сбой системы безопасности. Предупреждающего сигнала нет, система не отвечает, сканирование не производится.

Пока они ждали, Рорк вытащил карманный компьютер, что-то проверил.

— Система не работает, — сообщил он. — Полностью отключена, лейтенант. Дверь не заперта.

– Вот черт!

Она достала из сумочки оружие и жетон, бросила сумочку на крыльцо. Прицепила к пальто жетон, потом диктофон и совершенно не удивилась, когда Рорк вытащил из кобуры на лодыжке небольшой пистолет.

– Не спеши. Запись включена. Лейтенант Ева Даллас и гражданский эксперт-консультант Рорк входят в неохраняемую резиденцию Энтони Страцца после двух безуспешных попыток связаться с владельцем. Есть основания полагать, что Страцца ранен или удерживается насильно. Я предоставила оружие гражданскому лицу.

Ева распахнула дверь, осторожно вошла в холл. Рорк следовал по пятам.

Серебристо-белая, необычной формы люстра освещала тусклым светом пол из светлого мрамора, залитый кровью.

– Мы обнаружили кровь и отпечатки босых ног. Возможно, они принадлежат Дафне Страцца.

Ева жестом велела Рорку двигаться в одну сторону, сама пошла в другую. Они осмотрели первый этаж, проверяя комнату за комнатой и каждый раз сообщая друг другу, что все чисто.

Даже без подсказки Рорка было ясно, что кто-то ушел с добычей: Ева заметила парочку пустых стеновых ниш и остатки званого ужина. Похоже, дроиды их так и не убрали.

Ева и Рорк вместе поднялись на второй этаж и снова разошлись в разные стороны.

Запах почувствовался сразу, едва Ева подошла к распахнутым настежь белым дверям комнаты с балконом.

Запах крови, смерти... и цветов.

Скомканное постельное белье на огромной кровати с золотыми столбиками перемазано кровью, совсем как пол первого этажа. Перевернутый позолоченный стул со сломанной спинкой и окровавленными обрывками клейкой ленты. Раздавленные белые лилии со смятыми, изодранными лепестками на бело-золотом ковре, залитом кровью и водой из опрокинутой хрустальной вазы. Сама ваза перепачкана кровью и чем-то серым. Еще больше крови в изножье кровати, у столбика, а на белизне ковра алеют смазанные кровавые отпечатки ладоней.

И посреди этого кровавого безумства лежал Энтони Страцца, словно распростертый у алтаря грешник. Он не успел раздеться перед сном и был одет в темно-серый костюм и светло-серую рубашку. На запястьях поблескивали пластиковые наручники-стяжки. Ева видела лишь часть профиля, но поняла, что лицо мужчины обезображено до неузнаваемости. Светлые волосы свалились от крови, которая сочилась из глубоких ран на затылке.

— Я нашла тело! — крикнула Ева.

Рорк присоединился к ней, тоже встал в дверях.

— Вор так не поступил бы. К тому же в доме осталось много ценностей, которые легко унести.

— Может, что-то пошло не так, — возразила Ева. — И мы еще не проверили третий этаж.

— Вот и займись этим; того, кто это сделал, давно и след простыл. А я пока принесу твой криминалистический чемоданчик.

Давно и след простыл, мысленно согласилась Ева, но порядок есть порядок. Она проверила верхний этаж, роскошный кабинет Страццы, ванную, медиа-

комнату, оборудованную современно и по-мужски, сверкающую автоматическую кухню, бар с самыми разными напитками, дополнительный компьютерный терминал...

И встроенный в шкафчик сейф с распахнутой дверцей.

Ева пошла вниз, столкнулась на лестнице с Рорком, который поднимался наверх.

— Пустой сейф на третьем этаже. Похоже, не взломан. Думаю, нападавший выбил код из Страццы.

Она бросила взгляд на свои туфли: высокие шпильки и несколько блестящих ремешков. Смирившись с неизбежным, Ева сняла их, намазала герметиком босые ступни, потом ладони, отдала банку с пастой Рорку.

— Я не успела проверить гардеробные и основную ванную. Может, сам посмотришь? Мне нужно провести официальную идентификацию жертвы и вызвать подмогу.

— То есть хочешь ни свет ни заря разбудить Пибоди.

— Для копов рано не бывает. Черт, мне нужна нормальная одежда!

— Я об этом позабочусь.

— Как? — спросила Ева, когда он положил банку с герметиком обратно в чемоданчик.

— Разбужу пораньше Соммерсета.

Ева подумала о дворецком. Вот ведь заноза в заднице!

— Но...

Рорк ждал подобной реакции и сейчас откровенно забавлялся. Потом провел пальцем по обнаженному плечу жены и вошел в спальню.

– Тебе выбирать: работать в удобной одежде или в вечернем платье.

– К черту! Удобная одежда и ботинки. И нормальное пальто. И...

– Соммерсет знает, что прислать. Еще один сейф в гардеробной Страццы. Тоже открыт и пуст.

Ева отшвырнула пальто, прошла по запачканному ковру и присела в своем полупрозрачном серебристо-красном платье с юбкой, сшитой из дюжины узких, летящих клиньев, которые при каждом шаге развевались, словно ленты, оголяя длинные ноги. Бретельки платья, длинные и блестящие, как ремешки на сброшенных туфлях, перекрещивались на обнаженной спине.

Ева прижала пальцы мертвеца к идентификационному планшету.

– Жертва – Энтони Страцца, проживал по этому адресу. Время смерти – один час двадцать шесть минут. Причину смерти установят эксперты-медики, но я провела первичный осмотр и полагаю, что у него перелом костей черепа.

– Похоже на то, – раздался за ее спиной голос Рорка. – В гардеробной жены сейфа нет. Впрочем, сейф в гардеробной Страццы достаточно большой, наверняка там хранились и ее украшения. Я бы взглянул на сейф на третьем этаже.

– Может, вначале просмотришь запись с видеоконвертера? Скорее всего, преступник наверняка ее стер или испортил, но вдруг повезет? Двери и сигнализацию тоже проверь.

– Как эксперт скажу, что ограбление здесь не главная цель.

— Согласна, скорее, приятное дополнение к убийству и изнасилованию. — Ева полезла за телефоном. — Черт, оставила телефон в блестящей сумочке!

— Нет, он у тебя в чемоданчике. А блестящая сумочка лежит в машине, пустая.

— Да, вот он. Спасибо. Слушай, давай, я попрошу Пибоди захватить с собой Макнаба, этот дом набит электроникой. А ты поезжай домой, поспи немного.

Рорк только поднял брови, и Ева пожалала плечами.

— Ну, нет так нет.

— Нет. И вот еще: наш... э-э-э... незванный гость разгромил комнату безопасности. А когда я осматривал помещение, то заметил трех разбитых дроидов.

— Ему нравится насилие. Над людьми или неодушевленными объектами, не важно. Ладно, посмотри, что там.

— Сделаю, что смогу.

Оставшись одна, Ева посмотрела на труп, подумала о том, что одно человеческое существо может сотворить с другим. И вызвала подмогу.

Глава 2

Дав описание места преступления и обнаруженного тела, Ева перевернула жертву и продолжила:

— Множественные повреждения лица нанесены кулаками и, возможно, чем-то вроде дубинки. Ссадины и неглубокие порезы на горле, такие же, как у второй жертвы. Кляп не использовали. Нападавший привязал Страццу к стулу, надел пластиковые наручники-стяжки. Они до сих пор не сняты.

Она наклонилась, чтобы сфотографировать тонкие полоски пластика поближе.

— Страцца сопротивлялся. На запястьях видны синяки и ссадины, фрагменты стула прилипли к телу и к стяжкам, все перепачкано кровью. На брючинах и рукавах смокинга остатки клейкой ленты. На костяшках пальцев заметны гематомы, возможно, Страцца успел нанести нападавшему парочку ударов.

Ева осмотрела сломанную спинку перевернутого стула.

— Судя по сцене преступления, Страцца высвободился, сломав стул, бросился на обидчика. Тот схватил массивную вазу, оглушил Страццу ударом в висок. Когда Страцца упал, добил его несколькими ударами.

Она взяла несколько образцов крови, запечатала и подписала, попутно размышляя о том, что в момент нападения делала жена Страццы. По-прежнему сидя на корточках, внимательно исследовала кровь на изножье кровати.

— У второй жертвы рана на затылке. Может, она пыталась помочь, и ее оглушили? Женщина упала, ударилась головой, потеряла сознание. У нее сотрясение мозга, и, похоже, она плохо понимала происходящее, а когда пришла в себя, разум просто отключился. Она встала, спустилась по лестнице и вышла из дома. Голая.

Ева шумно выдохнула. В восемь лет ее избивали и изнасиловали, и она в таком же полубессознательном состоянии, вся в своей и чужой крови, вышла на улицу, чтобы не оставаться рядом с трупом.

— Мозг отключается, чтобы человек не сошел с ума, — пробормотала Ева.

Она встала, глубоко вздохнула и зажмурила глаза, отгоняя от себя воспоминания. Надо сосредоточиться на том, что здесь произошло.

Званый ужин закончился, хозяева собрались ложиться спать. Интересно, поднялись ли они наверх вместе, болтая о том, кто что сказал? Эдакое обсуждение после матча. Вошли в спальню, устав после светского раута и ощущая иллюзию безопасности.

Ждал ли преступник в спальне? Кто он? Знакомый? Человек из обслуживающего персонала? Поставщик продуктов, слуга, официант? Или тот, кто воспользовался суматохой, незаметно проскользнул в дом и поднялся наверх?

Видно, что он хорошо знал дом.

Каким-то образом обезвредил главную угрозу — Энтони Страццу. Возможно, схватил женщину, приставил нож к горлу. Или вырубил хозяина дома — хорошо подготовился! — потом избил женщину. Вероятно, заставил ее связать мужа и наручниками закрепить его руки на подлокотниках стула. Потом преступник обездвигил женщину: привязал к столбикам кровати.

Нахмурившись, Ева подняла с пола белое платье, осмотрела кружевное нижнее белье.

Нет, он не сорвал и не срезал с женщины трусики и лифчик. Заставил снять их, раздеться перед ним. Чтобы муж все видел. Хотел почувствовать свою власть, наслаждался его беспомощной яростью.

В спальню вошел Рорк, и Ева подняла голову.

— Думаешь, преступник первым делом выпытал коды от сейфов? Чтобы больше к этому не возвращаться? Сказал, я не причину вреда ни тебе, ни ей, мне нужно только твое имущество. Она не знала коды.

– Ты уверена?

– Оба сейфа находятся на его территории. Она явно трофейная жена, и какие бы чувства Страцца к ней ни испытывал, заправлял всем он сам. В доме нет ничего, что говорило бы о ней, о ее вкусах. Весь третий этаж – целиком его владения, а у нее нет ни будуара, ни своего кабинета. Напрашивается вывод, что это его дом, его деньги. Ее сильно избили, но Страцце досталось еще больше. Я имею в виду, перед убийством. Хотя в этом не было необходимости. Преступник наверняка пригрозил: «Если не назовешь коды, я порежу хорошенькое личико твоей жены или изувечу тебя».

Все равно изувечил, подумала Ева, бросив взгляд на труп.

– Большинство людей в подобной ситуации выдали бы коды. Особенно после пары ударов по лицу, либо когда нож приставили к горлу. Или если бы увидели нож у горла близкого человека. В сейфах всего лишь имущество, как правило, застрахованное.

Рорк кивнул.

– То есть ты полагаешь, что убийца вначале решил практические вопросы. Опустошил сейфы, уничтожил дроидов и видеозаписи с камер наблюдения – возможно, удастся что-нибудь из них вытащить. Затем вернулся в спальню, продолжил избиение, изнасиловал женщину.

– Причем неоднократно, по словам доктора. Возможно, изнасиловал ее в самом начале, чтобы показать мужу, что настроен серьезно. Угрожал, что сделает это снова, убьет ее. Заставил ее раздеться.

Она жестом показала на платье.

— На нем есть кровь, возможно, из порезов или из раны, но оно не разорвано. Преступник не стал его срывать или разрезать ножом. Наверное, подошел к связанному мужу, приставил ему нож к горлу. Сказал: «Раздевайся, или я перережу ему глотку». Привязал ее к кровати. Женщина не сопротивлялась, поэтому на ее теле нет характерных ран. Когда насилуют, жертва пусть слабо, но отбивается, царапается. Судя по ссадинам на запястьях и лодыжках, она пыталась высвободиться, по крайней мере, вначале.

Ева осмотрела кровать, попыталась представить, что произошло.

— Вероятно, потом преступник обошел дом, взял какие-то вещи: все, что попало на глаза. Наглый ублюдок. Вернулся, опять изнасиловал женщину. Продолжил избиение, еще раз изнасиловал. Страцца сумел сломать стул, бросился на преступника. У Страццы синяки на костяшках пальцев, кожа не содрана, но, похоже, пару ударов он все-таки нанес. Наверное, женщина потеряла сознание во время изнасилования, и преступник ее развязал, а когда мужчины схватились врукопашную, пришла в себя и попыталась помочь мужу или убежать. Ее ударили, она упала и ударилась головой об изножье кровати, вот здесь, об угол. Снова потеряла сознание. Убийца схватил вазу, ударил Страццу по голове, оглушил. Когда Страцца упал, убийца его прикончил.

Сам Рорк не обратил внимания на изножье: вокруг было слишком много крови, целые лужи, пятна, брызги.

— Только его одного. Почему не убил обоих? — требовательно спросил он.

— Да, странно. Я бы так... — Ева осеклась на полуслове. — Жестокий мерзавец по идее должен был убить. Возможно, это его первое убийство. Очень неаккуратное и явно спонтанное.

Подол роскошного платья Евы был испачкан кровью, когда она выпрямилась и показала на труп.

— Я имею в виду, Страцца посмел напасть на него.

— Какова наглость! — подхватил Рорк.

— Вот именно. Он напал и заслуживает смерти. А женщина? Преступник сделал все, что хотел, и потерял к ней интерес. Потому и не стал добивать. Когда мы ее нашли, с момента убийства Страццы прошло минут сорок. Сперва она лежала без сознания, потом бродила по улице в состоянии шока. У убийцы было достаточно времени, чтобы забрать свои игрушки и пойти домой.

Ева замолчала, уперев руки в бока, оглядела комнату.

— Это первичный анализ места преступления. Две жертвы. Возможно, события происходили в другом порядке, но я все равно считаю, что преступник не планировал убийство, иначе Дафны Страццы не было бы в живых.

— Согласен.

— Или он счел ее мертвой. Увидел, что она в отключке, голова в крови, слегка запаниковал, схватил добычу и был таков.

— В любом случае садист.

— Само собой. Возможно, убил он впервые, но все остальное уже проделывал. Будем искать в этом направлении.

Раздался звонок в дверь, и Рорк повернул голову.

— Пойду посмотрю, что там: твоя одежда или твои коллеги, — сказал он.

— Если это Пибоди, пошли ее сюда, а Макнаб пусть займется электроникой.

Оставшись в одиночестве, Ева еще раз медленно оглядела комнату, расположение мебели, труп, предполагаемое орудие убийства, женское платье и белье на полу. Затем направилась было к гардеробной Страццы, однако услышала на лестнице знакомую тяжелую поступь зимних ботинок Пибоди и короткий восторженный вопль.

Ева поставила орудие убийства на свой рабочий чемоданчик и только закатила глаза, как послышалось не менее восторженное продолжение.

— Туфли! Пресвятые каблуки, туфли на шпильках!

— Заткнись, Пибоди!

Не желая затыкаться, Пибоди восхищенно причмокнула и вошла, держа в руке Евину туфлю так, словно это величайшая ценность.

— Они невообразимо прекрасны!

Пибоди была вся в розовом — розовое пальто, розовые полоски на шапке, розовые ботинки с меховой оторочкой. Даже квадратное лицо порозовело от благоговения.

— Положи чертову туфлю! Это моя одежда?

— Что? Ах да, мы как раз подошли к дому, когда водитель остановился...

Пибоди отвела взгляд от блестящей туфельки, посмотрела на Еву и снова восторженно взвизгнула.

— Платье!

— Заткнись! — повторила Ева, выхватывая из другой руки Пибоди дорожную сумку с одеждой.

— О, да оно великолепно! Сама сексигантность!

— Это всего лишь платье, а такого слова нет.

— Сексуальная элегантность. Оно все такое... Ой, у тебя подол в крови и еще в чем-то. А вот еще кровь... Ничего, в хорошей химчистке все ототрут.

— Непременно. Этим сейчас и займусь. А труп может и подождать.

— Просто...

Пибоди замолкла на полуслове, сосредоточившись на мертвом теле и расталкивая своего внутреннего копа.

— А вот ему уже не придется переживать из-за химчистки. Он же был врачом, да? В этот раз исцелиться самому у него точно не выйдет. Есть новости о его жене?

— Пока нет, позже узнаем. Я предупредила чистильщиков и морг. Время смерти и предполагаемая причина уже известны. Займись этой комнатой, а я пойду в ванную, переоденусь.

Закрывшись в изысканной бело-золотой ванной, Ева сняла платье и сразу же почувствовала облегчение. В сумке нашлось все необходимое. Ева отогнала от себя мысль о том, как Соммерсет выбирает и аккуратно складывает ее исподнее (так и спятить недолго!), натянула белье, потом мягкие шерстяные брюки (слава богу, черные), бледно-серый свитер, кобуру, грубые черные ботинки и черный жакет с едва заметными серыми полосками.

Дворецкий положил в сумку футляры для драгоценностей, и Ева сняла украшения, с трудом разобравшись, что куда класть. Про кобуру на лодыжке он тоже не забыл. Затягивая ремни, Ева мысленно отдала ему должное.

Оставалось надеть пальто, шапку со снежинкой, теперь нежно любимую, шарф с черными, серыми и красными полосами (Еве вполне хватило бы красных) и безумно дорогие перчатки с мехом, которые она постоянно теряла.

Вновь почувствовав себя в своей тарелке, Ева расправила плечи, взглянула в искусно обрамленное зеркало над длинной раковиной.

— Черт!

Она сменила удручающе нарядную одежду, однако лицо все еще было накрашено для бала-маскарада, что явно не подходило порядочному копу.

Схватив сумку, Ева вышла из ванной.

— Пибоди!

— Да, сэр!

Пибоди высунула голову из гардеробной Энтони Страццы.

— У тебя есть с собой косметика? Ну, знаешь, такая штука, которой можно стереть вот это все?

Для наглядности Ева обвела контур лица пальцем.

— Лосьон для лица? Средство для снятия макияжа? С собой нет.

— Черт, черт, черт!

— Ты прекрасно выглядишь.

— Ну да, я же только об этом и думаю.

— Ты по-прежнему невероятно крутая. И цвет помады только подчеркивает твою крутость.

— Ерунда!

По собственному опыту Ева знала, что обычное мыло и вода просто размажут макияж, сделав лицо похожим на огромный синяк, и потому решила оставить все как есть.